

Педагогический Альманах

[\[Содержание альманаха\]](#) [\[Предыдущая страница\]](#) [\[Главная страница\]](#)

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

80% призывников армии обороны Израиля — детей репатриантов из СНГ, по Галахе не евреи. В самом СНГ дети смешанных браков составляют основной контингент учащихся дневных и воскресных еврейских школ. Статья Полины Румянцевой, адресованная специалистам-социологам, тем не менее заслуживает, на наш взгляд, внимания практических педагогов — в силу исключительной важности приведенных в ней данных. К тому же статья оставляет, по словам автора, "пространство для размещения собственных мыслей и наблюдений", и мы верим, что эти мысли и наблюдения окажутся своевременными и полезными.

Полина Румянцева (С.-Петербург)

ДЕТИ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

Особенности этнокультурного самосознания

Проблема смешанных браков остро стоит перед еврейскими общинами всего мира. Данные статистики и демографии свидетельствуют о том, что за последние десятилетия количество таких браков резко возросло. Так, по данным М. Тольца, в 1988 году в России процент смешанных браков составил 73,2% для мужчин и 62,8% для женщин (по сравнению с 1978 годом относительный рост этого показателя составил 23% у мужчин и 46% у женщин). По данным ежегодного национального исследования еврейского населения США за 1990 год, из евреев, вступивших в брак после 1985 года, 52% выбрали в качестве брачного партнера не еврея.¹ Среди причин этого явления отмечают многие факторы: тут и соотношение численности полов, брачная динамика, расширение межэтнических контактов,² но в первую очередь радикальное изменение образа жизни, смена ценностной ориентации и другие последствия массового отхода от религии.³ В представлениях большинства исследователей именно смешанные браки создают реальную угрозу существованию еврейского народа.⁴

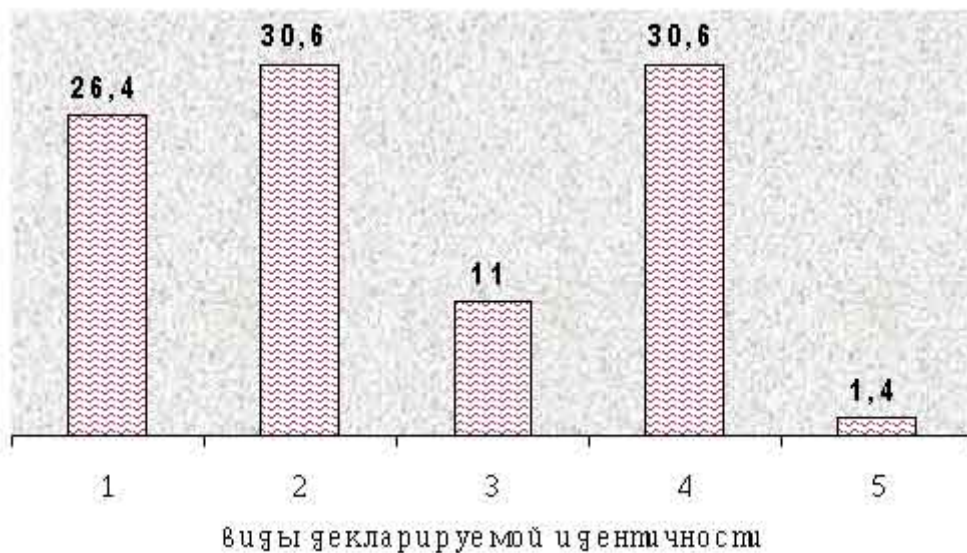
Проблема этнической идентичности детей, рожденных в таких браках, остается, на наш взгляд, недостаточно изученной. Основным источником данных для подобных исследований — результаты переписей населения, данные, содержащиеся в официальных документах, фиксирующих национальную принадлежность, и т. п.⁵ А о глубинных, содержательных характеристиках этнической идентичности людей смешанного происхождения известно очень мало. Наше исследование ставило цель хотя бы частично восполнить этот пробел.

Исследование было нацелено на изучение особенностей этнической идентичности и «образа я» у подростков из русско-еврейских семей в сравнении со старшеклассниками из семей, однородных по национальному составу. Выбор объекта исследования не случаен. Данные свидетельствуют, что подростковый возраст — критический для развития социальной и этнической идентичности. По традиции, сложившейся в исследовании еврейской идентичности российских подростков,⁶ в качестве объекта исследования были избраны учащиеся 9—11-х классов еврейских школ Санкт-Петербурга, всего 165 человек. Из них были сформированы три группы: экспериментальная (подростки, у которых один из родителей еврей, а другой — русский, 72 человека) и две контрольных группы (подростки из семей, где оба супруга русские, — 54 человека; подростки из семей, где оба супруга евреи, — 30 человек). Данные остальных учащихся, — из семей другого этнического состава, — в исследовании не учитывались. Необходимо отметить, что русские участники опроса обучаются в классах, в программе которых практически отсутствуют предметы еврейского цикла. Их отличие от сверстников из других школ лишь в том, что они просто имеют более обширные личные контакты с евреями.

Важной составляющей этнической идентичности является декларируемая идентичность, то есть причисление себя к определенной этнической общности. Это, естественно, проявляется в самоназвании.⁷ Рассмотрим, как определяют свою национальную принадлежность подростки русско-еврейского происхождения. При ответе на открытый вопрос анкеты «К какой национальности ты себя относишь?» —

- 20 участников опроса ответили, что не могут отнести себя к какой-либо национальности,
- 19 ответили, что считают себя евреями,
- 22 — русскими,
- 8 заявили о своей принадлежности сразу к двум этносам, считая себя евреем и русским одновременно, а самоопределение одного из участников опроса не совпало с национальной принадлежностью ни одного из родителей.

Переведенные в проценты, эти данные графически представлены на [рисунке 1](#). (Еще раз подчеркнем, что это данные только по экспериментальной группе — подросткам смешанного русско-еврейского происхождения.)

Рис. 1. Декларируемая этническая идентичность у подростков русско-еврейского происхождения:
 1 — еврей; 2 — русский; 3 — еврей и русский одновременно;
 4 — безэтничность; 5 — другая этническая идентичность

Полученные данные согласуются с выделяемыми в научной литературе⁸ типами этнической идентичности у детей из смешанных семей:

- биэтническим (сюда относятся те, кто в более или менее равной степени идентифицируют себя с обеими этническими общностями),
- моноэтническим (сюда относятся те, кто идентифицируют себя с одной из этнических групп),
- безэтническим (в этом случае социальная идентичность иного рода доминирует над этнической).
- Ситуация, когда потомки идентифицируют себя не с одним из родительских этносов, а с каким-то иным, выделяется в отдельный тип этнической идентичности.

Проанализируем, как связаны показатели этнической идентичности с полом, возрастом подростков, а также с тем, кто из родителей еврей.

Оказалось, что влияние этих показателей на этническую идентичность достаточно неопределенно. То, как декларируют свою этническую принадлежность юноши и девушки, показано в [таблице 1](#). Можно отметить, что девушки несколько чаще, чем юноши, склонны выбирать еврейскую идентичность. Возможно, это согласуется с данными некоторых исследований о том, что женщины в большей степени склонны сохранять приверженность еврейским традициям, чем мужчины.

Вид идентичности	Юноши	Девушки
безэтничность	33,3	27,8
еврей	19,4	33,3
русский	33,3	27,8
биэтничность	11,1	11,1

Таблица 1. Декларируемая этническая идентичность у юношей и девушек, (%)

То, как определили свою этническую принадлежность подростки разного возраста, показано в [таблице 2](#). Выявленные здесь различия представляются довольно интересными. Прежде всего хочется отметить, что в старшей возрастной группе гораздо меньше подростков склонны считать себя евреями, чем среди 14—15-летних. Можно объяснять это особенностями возрастного развития, но следует помнить и о том, что этническая идентичность — явление достаточно изменчивое и детерминированное не только разнообразными внутренними причинами, но и особенностями общественно-политической обстановки. Вполне возможно, что среди молодых людей 16—17 лет больше тех, для кого их собственное еврейское происхождение послужило причиной негативных реакций со стороны окружения. Интересно и то, что в более старшем возрасте практически вдвое увеличивается процент тех, кто считает себя русским и евреем одновременно. Возможно, подростки находят именно такой выход из проблемы национальной самоидентификации.

Вид идентичности	14—15 лет	16—17 лет
безэтничность	29,2	33,3
еврей	31,3	16,7
русский	31,3	29,2
биэтничность	8,3	16,7

Таблица 2. Декларируемая этническая идентичность у подростков 14—15 и 16—17 лет, (%)

Зависимость этнической идентичности подростка от того, кто из его родителей является евреем, представлена в [таблице 3](#). Важно отметить, что небольшие различия этнической идентичности подростков в зависимости от пола еврейских родителей входят в противоречие с данными исследований детей из смешанных семей другого этнического состава.⁹

Вид идентичности	Мать — еврейка	отец — еврей
безэтничность	30,2	32,1
еврей	27,9	25
русский	27,9	35,7
биэтничность	11,6	7,14

Таблица 3. Декларируемая этническая идентичность у подростков русско-еврейского и еврейско-русского происхождения, (%)

По данным подобных исследований, в большинстве случаев решающее влияние оказывает национальность отца или родителя, принадлежащего к этническому большинству населения. Исходя из этого, можно было бы предположить, что в группе подростков, имеющих мать-еврейку и отца-русского, процент причисляющих себя к евреям будет вообще минимален. Однако оказалось, что это не так. Нам представляется, что здесь мы сталкиваемся с противоречивым влиянием двух различных тенденций: в русской патриархальной культуре национальность наследуется от отца, а в еврейской религиозной традиции — от матери. Возможно, эти данные позволяют говорить о некотором влиянии традиции в самосознании современных российских евреев.

Важно отметить, что этническая идентичность человека вовсе не сводится к его декларируемой идентичности, а в отдельных случаях

может даже противоречить ей. Для более глубокого проникновения в проблему мы использовали метод семантического дифференциала.

Каждый человек живет в собственном мире, оценивая происходящее в своей субъективной системе отсчета. Психосемантика и позволяет воссоздать эту систему координат, увидеть картину мира глазами самого человека, а не исследователя. Все это очень важно при изучении этнической проблематики. Как отмечают современные исследователи, национальная специфика все больше уходит во внутренний план, план сознания, поэтому и ее изучение должно двигаться от исследования внешних, материальных форм проявления культуры в сторону изучения внутренней картины мира, стремясь понять, как сам человек видит свое место в этом мире. Нет необходимости объяснять, насколько этот тезис уместен, когда мы говорим об изучении еврейской идентичности с ее, мягко говоря, не перегруженной материально-культурным компонентом природой. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что проблемы, связанные с этнической принадлежностью, — это зачастую проблемы очень болезненные, перегруженные эмоционально-оценочным компонентом. Это делает применение стандартных опросов и анкет сомнительными с точки зрения надежности получаемых результатов. В то же время при выполнении экспериментальных психосемантических процедур цель исследования остается неочевидной для обследуемого. Эта неочевидность позволяет в известной мере нейтрализовать фактор социальной желательности даваемых ответов.

При разработке варианта методики семантического дифференциала, примененного в данном исследовании, мы опирались на работы А. М. Грачевой.¹⁰ Она отмечает, что оценка отдельного представителя определенного этноса происходит совершенно иначе, чем всего этноса в целом. В первом случае респондент исходит из опыта реального социального взаимодействия с представителями данной этнической группы, то есть речь идет о субъекте отношений. Описывая же народ в целом, респондент скорее опирается на знания истории, культуры и т. д., то есть этнос выступает скорее объектом социальной реальности.

Участвовавшим в эксперименте подросткам предлагалось оценить выраженность определенных личностных качеств по семибалльной шкале. Объектами шкалирования выступили такие категории, как «типичный еврей», «типичный русский», «я», «мать», «отец», «мой идеал», «мой враг».

Оценивание проходило по 15 характеристикам: добрый, умный, жадный, оптимист, завистливый, отзывчивый, общительный, альтруист, националист, патриот, хитрый, рассудительный, доверчивый, настойчивый, наглый.

Во второй серии эксперимента оценивались такие категории, как «еврейский народ», «русский народ», «мой народ», «народ, которым я восхищаюсь», «враждебный мне народ».

Оценка проводилась по 16 характеристикам: сплоченный, терпимый, богатый, религиозный, талантливый, сильный, миролюбивый, свободолюбивый, организованный, открытый, умеющий приспособляться, везучий, активный, трудолюбивый, покорный, пьющий.

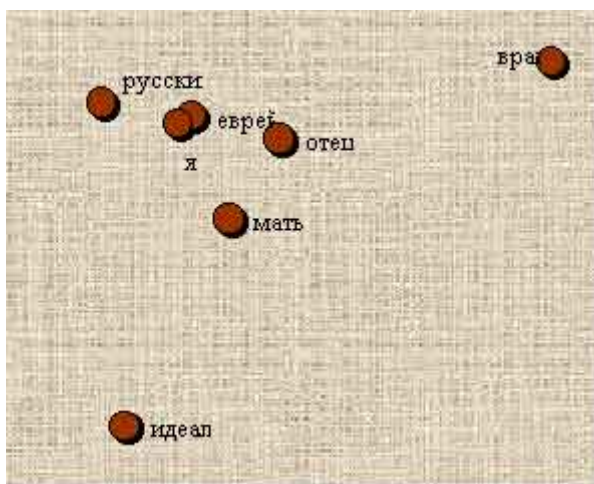
И в первом, и во втором случае оцениваемые характеристики были подобраны в ходе пилотажного исследования. Мы попросили подростков

просто написать, какие свойства, по их мнению, характеризуют русский и еврейский народ и его отдельных представителей. Затем из ответов ребят были выбраны наиболее часто употребляемые прилагательные, которые уже и вошли в шкалы дифференциала.

Полученные данные обрабатывались методом факторного анализа отдельно для каждой группы испытуемых и объектов шкалирования.

Для русских подростков удалось выделить два фактора, являющихся основаниями для классификации объектов в области межнационального восприятия. В первый фактор вошли такие характеристики, как «добрый», «умный», «отзывчивый», «альтруист», «патриот», «доверчивый». На противоположном полюсе этого фактора оказались такие качества, как «жадный», «завистливый», «националист», «хитрый», «наглый». Наиболее сильно противопоставленными по этому фактору оказались понятия «враг» и «типичный русский»; можно сказать, что этот фактор достаточно сильно нагружен этническим значением, поэтому мы назвали его *фактором этничности*. Здесь обращает на себя внимание противопоставление ума как свойства представителя своего этноса и хитрости как свойства этнического врага. Действительно, представление о щедром, добром, независтливом, простодушном, доверчивом человеке довольно хорошо соответствует транслируемому фольклором образу русского.

фактор этничности

Рис. 2 Расположение значимых объектов в семантическом пространстве русского подростка.

Во второй выделенный фактор вошли такие характеристики, как «оптимист», «общительный», «рассудительный», «настойчивый». Наиболее сильно по этому фактору дифференцировались объекты «идеал» и «враг», поэтому можно предположить, что данный фактор имеет в основном оценочное содержание. Рассмотрим, как расположились в этом пространстве оцененные участниками эксперимента объекты (см. рис. 2). Здесь мы должны прежде всего отметить наличие некоторой отрицательной идентификации у русских подростков — образ типичного русского и самого себя у них различаются довольно сильно. Типичный русский — это доверчивый, щедрый, простодушный человек, альтруист и интернационалист — еще раз подчеркнем, что этот образ близок персонажам русских народных сказок. Однако себя русские подростки вовсе не наделяют всеми этими чертами. Видимо, они считают себя менее открытыми и более прагматичными. Мы получили на первый взгляд несколько неожиданный результат — близость в семантическом пространстве русских подростков двух

образов: «я-реального» и «типичного еврея». Но важно отметить, что такой отход от национальных традиций, по всей видимости, болезненно переживается нашими испытуемыми — ведь «я-идеальное» подростка остается близким к персонажу русских сказок. Скорее всего, русские подростки отказываются от идеала в пользу требований современной жизни, по собственным оценкам, они люди прагматичные и социально-мобильные, если хотите, «рыночного типа» (возможно, отсюда и близость к образу типичного еврея), но это не проходит даром. В результате два образа — самого себя и типичного русского — довольно далеко отстоят от идеала по оценочному фактору.

При анализе таблицы суммарных значений по еврейской выборке было выделено три фактора. Как отмечает В. Ф. Петренко,¹¹ «размерность семантического пространства отражает когнитивную сложность субъекта (или группы субъектов) в некоторой содержательной области». Нам представляется, что большую когнитивную сложность еврейских подростков в области межэтнического восприятия можно объяснить тем, что евреи — это представители этнического меньшинства в нашем обществе. Во многих исследованиях подчеркивается, что у представителей этнических меньшинств процессы этнической идентификации начинаются раньше, протекают ярче и выражены более бурно, чем у членов этнического большинства. Старшеклассники-евреи, по всей видимости, больше задумываются над национальными проблемами, чем их русские сверстники.

Рассмотрим содержание выделенных в данной группе категорий обыденного сознания. Прежде всего отметим, что все три фактора имеют оценочную окраску, поскольку наиболее сильно дифференцировались по ним понятия «идеал» и «враг». Скорее всего, это говорит о перегруженности опыта межэтнического взаимодействия еврейских подростков эмоциональным содержанием. Первый фактор образован такими характеристиками, как «хитрый» и «настойчивый», с одной стороны, и «добрый», «умный», «доверчивый» — с другой. Интересно, что, в отличие от русских подростков, настойчивость оказалась на отрицательно оцениваемом полюсе первого фактора, являясь, следовательно, признаком обобщенного врага. Таким образом, в этот фактор вошли характеристики интеллекта (хитрый, умный, доверчивый) и воли (настойчивый) наряду с нравственной оценкой этих качеств (добрый). Поэтому мы условно обозначили этот фактор как *«нравственный интеллект»*. Во второй фактор вошли характеристики «оптимист», «отзывчивый», «общительный», «патриот». Это в основном коммуникативно-эмоциональные свойства, поэтому мы назвали этот фактор *«общительность»*. Третий из выделенных факторов составили такие характеристики, как «альтруист» и «рассудительный» — с одной стороны, и «жадный», «завистливый», «националист», «наглый» — с другой. Можно предположить, что этот третий фактор объединяет скорее особенности поведения, оцененные с нравственной точки зрения. Мы обозначим этот фактор *«нравственностью поведения»*.

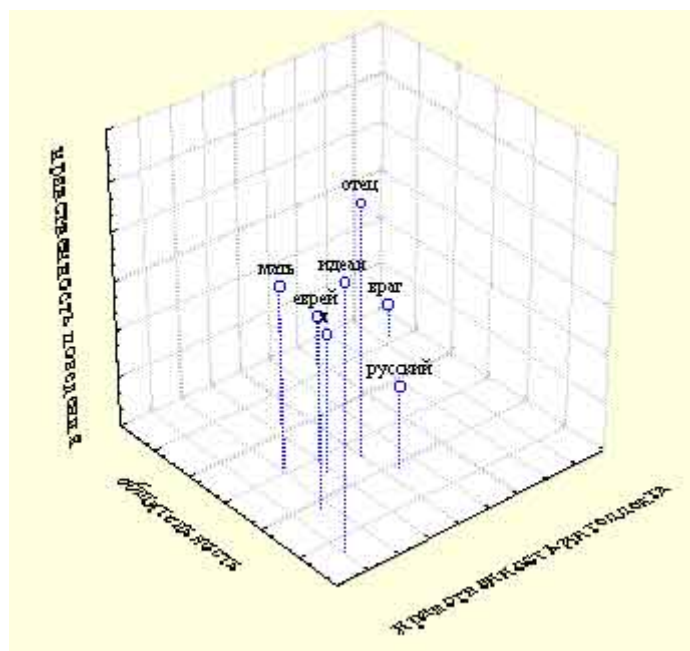

Рис. 3. Расположение значимых объектов в семантическом пространстве еврейского подростка

На рисунке 3 показано, как расположились оцененные объекты в субъективном семантическом пространстве еврейских подростков. Прежде всего отметим, что здесь нет того рассогласования образа себя и типичного представителя своего этноса, которое мы могли наблюдать у русских подростков. Видимо, еврейские подростки демонстрируют достаточно сильно выраженную положительную идентификацию со своей этнической группой. Можно предположить, что носителем еврейской идентичности в семье подросток считает прежде всего мать — именно этот образ ближе всего к образу типичного еврея по первому фактору, то есть по нравственно-интеллектуальному, можно сказать, мировоззренческому компоненту. Но «я-идеальное», с точки зрения еврейского подростка, должно быть еще более умным, доверчивым и добрым и менее хитрым и настойчивым, чем типичный еврей. А вот образы отца и типичного русского в отношении нравственного интеллекта несколько проигрывают по сравнению с идеалом, матерью и типичным евреем, сдвигаясь в сторону противоположного конца этой оси, в сторону врага. А фактор общительности, по всей видимости, очень мало нагружен этническим содержанием — образы типичного еврея и типичного русского здесь почти не расходятся. Враг же предстает в сознании еврейских подростков субъектом, начисто лишенным коммуникативной культуры. Самооценка еврейских подростков по этому фактору невелика, «я-реальное» далеко отстоит от «я-идеального», а также образов типичных представителей этнических групп евреев и русских. Видимо, общение для еврейских подростков — насущная и важная проблема. Отец по этому фактору очень близок к образу «я», а вот мать наделена коммуникативными качествами в еще меньшей степени.

По третьему фактору, нравственной оценке поведения, образ русского — это образ, сдвигающийся по шкале к образу врага. Образ отца же здесь наиболее близок к идеалу. Видимо, функцию контроля нравственности поведения в семье, с точки зрения еврейского подростка, выполняет отец. Образ типичного еврея довольно высоко оценивается по этой шкале, но, естественно, ниже, чем идеал. Интересно, что здесь снова, как и в первом факторе, образ матери наиболее близок к образу типичного еврея. То есть мать снова выступает в качестве транслятора

нравственных этнических ценностей уже во внешнем, а не во внутреннем плане.

Обратимся теперь к основному объекту нашего исследования — старшеклассникам смешанного русско-еврейского происхождения. В результате обработки матриц суммарных результатов удалось выделить, как и на выборке русских подростков, два фактора. Причем содержание этих факторов также идентично, то есть первый фактор можно назвать фактором *этничности*, а второй — фактором *оценки*. Однако, как это ни парадоксально, по первому фактору наиболее резко противопоставляются не русский и враг, а враг и еврей. То есть свойства, приписываемые русскими подростками представителю русской этнической группы, здесь приписываются типичному еврею. Можно предположить, что подростки смешанного происхождения пытаются объединить в своем сознании две категориальные структуры, что вряд ли возможно. Рассмотрим, как расположились объекты в этом семантическом пространстве (рис. 4). Прежде всего отметим два момента, достаточно сильно отличающих представленную на рисунке 4 картину от двух предыдущих: во-первых, «образ я» подростка смешанного русско-еврейского происхождения достаточно сильно удален как от образа типичного еврея, так и от образа типичного русского; во-вторых, образ самого себя довольно тесно соприкасается с образами обоих родителей. Видимо, это, а также срединное положение идеала на шкале этничности указывает на стремление подростков смешанного происхождения или объединить в себе обе идентичности, или же вообще отказаться от этнической идентичности и заменить ее на идентичность какого-либо иного рода. Несмотря на явные признаки маргинальности такого сознания, обнадеживающим здесь выглядит тот факт, что «образ я» по оценочному фактору не настолько сдвинут к «вражескому» полюсу, как, например, мы наблюдали это у русских подростков.

Рис. 4. Расположение значимых объектов в семантическом пространстве старшекласников смешанного русско-еврейского происхождения

Посмотрим теперь на результаты второй серии нашего эксперимента. Напомню, что там подростков просили оценить характеристики уже не отдельных представителей, а народы в целом. При этом использовался ряд оценочных категорий: «мой народ», «народ, которым я восхищаюсь» и «враждебный мне народ». Подчеркнем, что здесь ни в коей мере не шла речь о *конкретных* народах, к которым подростки должны были

обнаружить у себя враждебность или восхищение. Оценивались просто понятия, если хотите, словосочетания.

При обработке суммарной матрицы результатов русских подростков было выделено три фактора, на основании которых классифицируются народы как объекты культурно-исторического процесса. Все факторы носят оценочный характер, то есть наиболее сильно дифференцировались по ним понятия «народ, которым я восхищаюсь» и «враждебный мне народ». Первый, однополюсной, фактор образовали такие характеристики, как «терпимый», «талантливый», «сильный», «миролюбивый», «свободолюбивый», «открытый», «религиозный», «трудолюбивый». Мы обозначили этот фактор как фактор *открытости*. Во второй фактор, на одном полюсе, вошли характеристики «сплоченный», «богатый», «организованный», «везучий», а на другом — «пьющий». Мы назвали этот фактор фактором *организованности*. Третий фактор образовали, с одной стороны, характеристики «активный», «умеющий приспосабливаться», а с другой — «покорный». Мы назвали этот фактор фактором *активности*. На [рисунке 5](#) показано, как разместились в этом пространстве оцениваемые объекты. Здесь мы вновь сталкиваемся, уже на групповом уровне, с отрицательной самоидентификацией русских подростков. Интересно, что «мой народ» — здесь сугубо оценочное понятие, выражающее скорее какой-то непонятный, недостижимый идеал, чем представления о том реальном этносе, к которому принадлежат подростки.

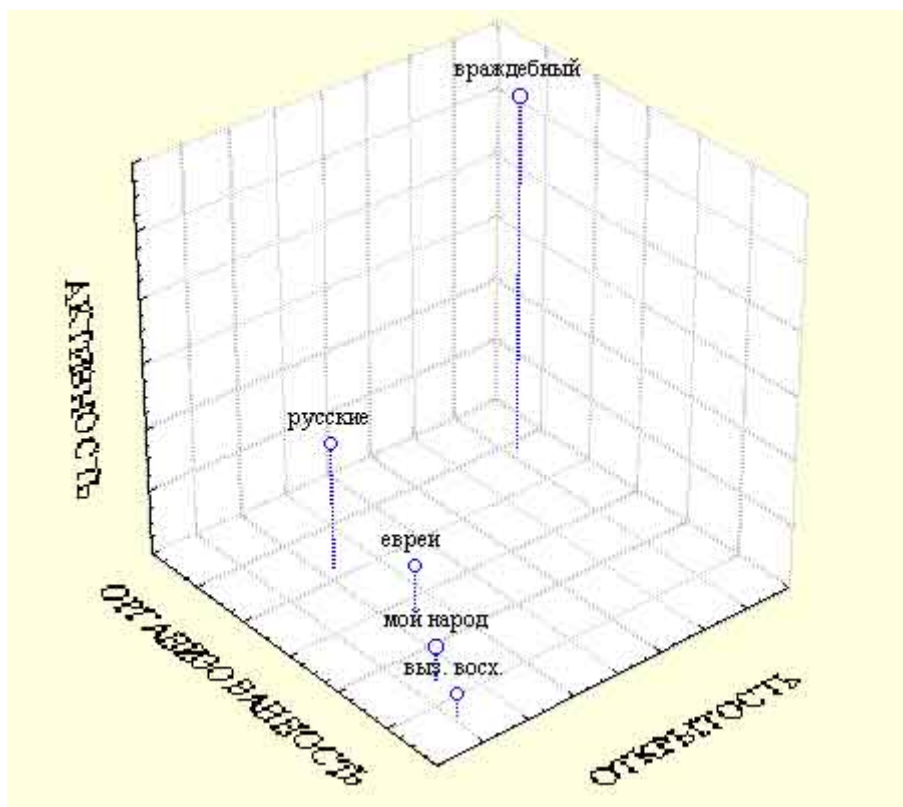

Рис. 5. Расположение значимых объектов в семантическом пространстве русских подростков. Представление о народе в целом.

А вот категориальная структура сознания еврейских подростков в восприятии народов в целом оказалась проще, чем у их русских сверстников, — нами было выделено всего лишь два фактора. В первый фактор, с одной стороны, вошли характеристики «сплоченный», «богатый», «сильный», «миролюбивый», «организованный», «открытый», «везучий», «активный», «трудолюбивый», а с другой стороны —

«покорный». Этот фактор наиболее сильно дифференцировал понятия «народ, которым я восхищаюсь» и «враждебный мне народ». Поэтому мы назвали его *оценочным фактором*. Положительный полюс второго фактора составили свойства «терпимый», «религиозный», «талантливый», «свободолюбивый», «умеющий приспособливаться», а отрицательный — «пьющий». Наиболее сильно оказались противопоставленными по этому фактору понятия «еврейский» и «враждебный мне народ», поэтому мы назвали этот фактор *фактором этничности*. Видимо, проблема алкоголизма очень остра в нашем современном обществе, если подростки обеих групп отвели этому свойству такое важное, «факторообразующее», место в своих этнических картинах мира. Расположение объектов внутри сконструированного в данном случае пространства представлено на [рисунке 6](#). Можно отметить, что по фактору этничности понятие «народ, которым я восхищаюсь» очень близок с «еврейским народом». Однако по фактору оценки разрыв существует: видимо, еврейские подростки готовы восхищаться народом, который, по их представлениям, менее покорен, чем еврейский народ. Оценочность понятия «мой народ» здесь также прослеживается, хотя и не в такой степени, как мы видели это у русских подростков. Однако здесь приходится обратить внимание на очень тревожную, с нашей точки зрения, тенденцию, в некоторой степени проявившуюся еще в первой серии эксперимента: понятие «русский народ» по обеим шкалам достаточно сильно сдвинуто в сторону понятия «враждебный мне народ». Подчеркнем, что эта тенденция является односторонней — подобное явление не выявлено на выборке русских испытуемых. Мы сознательно стараемся избегать здесь любых советов и рекомендаций, но, по крайней мере, хотя бы осмыслить этот феномен, с нашей точки зрения, необходимо.

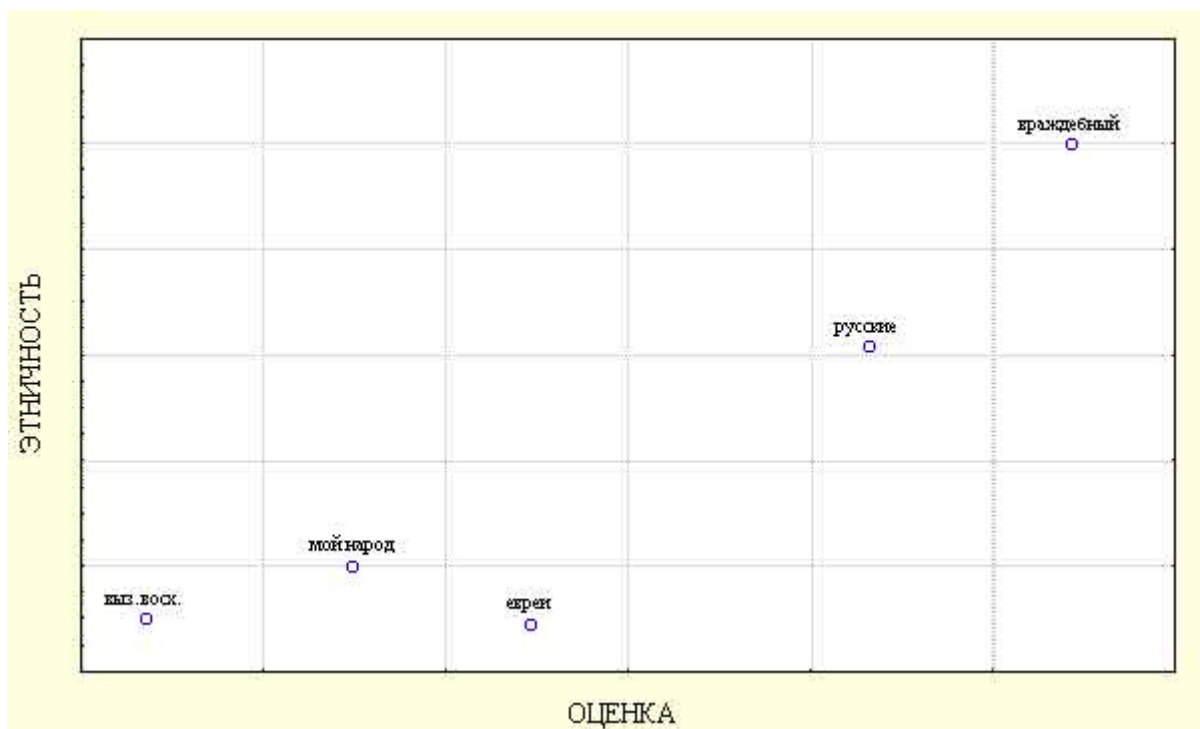

Рис. 6. Расположение значимых объектов в семантическом пространстве еврейских подростков. Представление о народе в целом.

Обратимся теперь к выборке подростков смешанного русско-еврейского происхождения. ([рис. 7](#)). Здесь так же, как и у русских подростков, было выделено три фактора. Первые два фактора носят оценочный характер. В первый вошли характеристики «терпимый», «талантливый»,

«сильный», «миролюбивый», «свободолюбивый», «активный», «умеющий приспосабливаться», «открытый». Во втором факторе на положительном полюсе оказались «сплоченный», «богатый», «организованный», «везучий», «трудолюбивый», а на отрицательном — «пьющий». Как можно заметить, здесь очень много сходства с первыми двумя факторами, выделенными на русской выборке. Поэтому мы назвали их аналогично — факторы *открытости* и *организованности*. Но вот третий выделенный фактор сильно отличался от всего полученного нами ранее. Это однополюсный отрицательный фактор, куда вошли характеристики «религиозный» и «покорный». Мы назвали этот фактор *фактором религиозности*. Очень важно то, что наиболее противопоставленными оказались по этому фактору понятия «еврейский народ» и «народ, которым я восхищаюсь». Мне представляется, что объяснить это можно достаточно жестким отношением религии к смешанным бракам. Возможно, именно в религиозных законах подростки смешанного русско-еврейского происхождения видят своеобразную угрозу сохранению своей позитивной идентичности. По представлению подростков, русский народ в значительно меньшей степени религиозный, в этом он сближается с народом, способным вызывать восхищение.

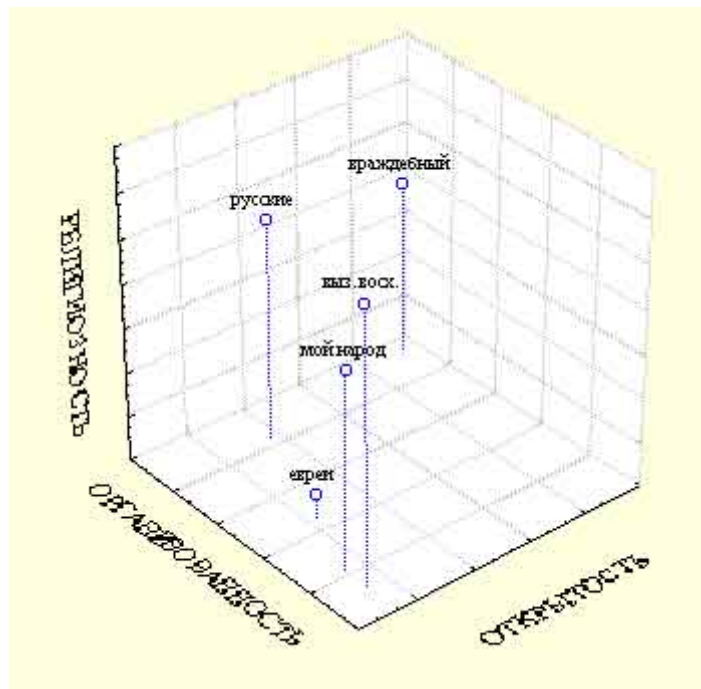

Рис. 7. Расположение значимых объектов в семантическом пространстве подростков смешанного русско-еврейского происхождения. Представление о народе в целом.

В данной статье невозможно осветить все полученные результаты, естественно, их гораздо больше. Я постаралась лишь обозначить ключевые моменты, сознательно оставляя определенную недосказанность. Во-первых, я совершенно не претендую на право давать советы и писать инструкции по решению сложнейших, на мой взгляд, проблем. Во-вторых, мне бы очень хотелось оставить читателям «пространство» для размещения их собственных мыслей и наблюдений, которыми, я смею надеяться, они захотят поделиться.

¹ McClain E. J. Embracing the Stranger: Intermarriage and the Future of the American Jewish Community. New York: Basic Books, 1995. 306 p. 📖

² Волков А. Г. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки // Семья и семейная политика. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения, 1991. с. 68—86. 📖

³ Goldscheider C. Demography of Jewish Americans: Research, Issues, and Challenges // Understanding American Jewry / Edited by M. Sklare. New Brunswick, 1982. p. 1—55. ↗

⁴ Синельников А. Почему исчезает российское еврейство // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 2. с. 51—67. ↗

⁵ Kogan M. The Jews of Leningrad According to the Census of 1989 // Jews in Eastern Europe. Winter 1994. p. 41—51. ↗

⁶ Собкин В. С. Ценностные ориентации еврейского подростка: опыт социологического исследования // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1. с. 4—50; Собкин В. С., Грачева А. М. К психологии еврейской идентичности // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Том IV. Выпуск VI / Под ред. В. С. Собкина.— М.: Центр социологии образования РАО, 1998. с. 105—141. ↗

⁷ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с. ↗

⁸ Галкина Е. М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в Москве). Авт. канд. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. н. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 30 с. ↗

⁹ Титова Т. А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. Казань: Форт-Диалог, 1996. 164 с. ↗

¹⁰ Грачева А. М. Особенности формирования национальной идентичности подростков (на материале исследования старшеклассников русской и еврейской национальностей). Авт. дис. на соиск. уч. ст. канд. психол. н. М., 1996. 21 с.; Она же. Психосемантическое исследование особенностей обыденного сознания подростков в области межнационального восприятия // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Том IV. Выпуск VI / Под ред. В. С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 1998. с. 206—247. ↗

¹¹ Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 400 с. ↗

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

[\[Содержание альманаха\]](#) [\[Предыдущая страница\]](#)

[гостевая книга](#)

Педагогический Клуб "Новая Еврейская Школа"

Ваши отзывы, замечания и предложения посылайте по **адресу:**
197022 Россия, Санкт-Петербург, а/я 44 "Новая Еврейская Школа"
тел./факс: +7 (812) 310-0244 **e-mail:** gallit@pedclub.ru, inform@pedclub.ru

Webmaster: [Нина Галеркина](#)

© При перепечатке материалов не забудьте поставить ссылку на наше издание: <http://www.ort.spb.ru/nesh/njshome.htm>